

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107

М. А. Куликов*

Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики

Аннотация. Манипулятивные технологии получили широкое распространение в различных сферах и активно используются в процессе правового регулирования общественных отношений. Игнорирование данной формы правового воздействия на социальные процессы представителями как теории права, так и отраслевых юридических наук может привести не только к необъективному пониманию отдельных этапов механизма правового регулирования, но и к очевидному нивелированию социальной обусловленности той юридической техники, которая используется в правотворческом, правореализационном и правоинтерпретационном процессах. Основное внимание в статье уделено понятию и признакам манипулирования как родового понятия, специфическим образом проявляющего себя в процессе правового воздействия на общественные отношения. Предлагаются авторские определения манипулирования и технологий манипулирования юридическими целями в правовом регулировании, а также сформированная концепция технологий манипулирования юридическими целями, которая включает в себя шесть групп ключевых приемов и способов, посредством которых субъект манипулятивного воздействия: а) формулирует и объективизирует юридические цели; б) использует уже существующие юридические цели, координируя поведение участников правоотношений в своих интересах; в) стимулирует объект управления к достижению поставленной цели посредством использования соответствующих юридических средств; г) ограничивает активность объекта управления, идущую вразрез с планами субъекта манипулирования. Аргументируется позиция, согласно которой манипулирование юридическими целями является правомерным поведением, распространенным способом осуществления публичной власти, социально обусловленной практикой правового регулирования и той правовой реальностью, которая стала закономерным этапом развития общественных отношений. Обосновывается тезис, что все технологии манипулирования юридическими целями опираются на правомерные стремления участников правоотношений, приводя тем не менее к реализации интересов субъекта манипулятивного воздействия за счет и в ущерб интересам объекта манипуляций. Несмотря на законность технологий манипулирования юридическими целями, они могут существенно снизить эффективность механизма правового регулирования за счет создания дисбаланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: манипулирование юридическими целями; технологии манипулирования; юридическая цель; механизм правового регулирования; правовое воздействие; юридическое средство; интерес; правоотношение.

Для цитирования: Куликов М. А. Технологии манипулирования целями в правовом регулировании: актуальные вопросы теории и практики // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 9. — С. 94–107. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107.

© Куликов М. А., 2022

* Куликов Михаил Алексеевич, кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «Киберпол», докторант МГИМО МИД России
просп. Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454
Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Goals Manipulation Technologies in Legal Regulation: Topical Issues of Theory and Practice

Mikhail A. Kulikov, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the International Cybersecurity Bureau «Cyberpol», Doctoral Candidate, MGIMO University
prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454
Mikhail.a.kulikov@mail.ru

Abstract. Manipulative technologies have become widespread in various fields and are used in the process of legal regulation of public relations. The fact that representatives the theory of law and branch legal sciences ignore this form of legal influence on social processes can lead not only to a biased understanding of certain stages of the mechanism of legal regulation, but also to an obvious leveling of the social conditionality of the legal technique used in law-making, law-realization and law interpretation processes. The paper gives the main focus to the concept and signs of manipulation as a generic concept that manifests itself in a specific way in the process of legal influence on public relations. The author proposes his definition of manipulation and technologies of manipulation of legal goals in legal regulation. The concept of technologies for manipulating legal goals is being formed. It includes six groups of key techniques and methods by which the subject of manipulative influence: a) formulates and objectifies legal goals; b) uses already existing legal goals, coordinating the behavior of participants in legal relations in their own interests; c) stimulates the management object to achieve the set goal through the use of appropriate legal means; d) restricts the activity of the management object that runs counter to the plans of the subject of manipulation. The paper argues the according to which manipulation of legal goals is legitimate behavior, a common way of exercising public power, socially conditioned practice of legal regulation and the legal reality, which is a natural stage in the development of public relations. It is proved that all technologies of manipulation of legal goals are based on legitimate aspirations of participants in legal relations, nevertheless leading to the realization of the interests of the subject of manipulative influence at the expense and to the detriment of the interests of the object of manipulation. Despite the legality of technologies for manipulating legal goals, they can significantly reduce the effectiveness of the mechanism of legal regulation by creating an imbalance in the coexistence of the interests of the individual, society and the state.

Keywords: manipulation of legal goals; manipulation technologies; legal goal; mechanism of legal regulation, legal impact, legal means, interest, legal relationship.

Cite as: Kulikov MA. Tekhnologii manipulirovaniya tselyami v pravovom regulirovanii: aktualnye voprosy teorii i praktiki [Goals Manipulation Technologies in Legal Regulation: Topical Issues of Theory and Practice]. *Lex russica*. 2022;75(9):94-107. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.094-107. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Современная правовая жизнь с убедительностью свидетельствует о том, что возникновением и развитием новых социальных, политических, экономических, юридических и иных институтов и реалий обусловлены коренные изменения в правовом регулировании общественных отношений. Необходимо признать, что распространение манипулятивных технологий уже давно вышло за рамки их использования лишь в СМИ, политике, маркетинге и многих других сферах и в настоящее время общество столкнулось с *новой реальностью* — все возрастающим манипулированием юридическими целями и средствами для придания большей эффективности и социальной обусловленности правовому регулированию.

Фокусируясь на манипулировании юридическими целями, следует подчеркнуть, что данная

форма воздействия на общественные отношения заняла прочное место в правотворческом, правоприменительном и правореализационном процессах, не остается в стороне от использования манипулятивных технологий и формирование правовой доктрины, равно как и инструментарий правового воспитания и обучения.

Сказанное объясняет как актуальность детального исследования технологий манипулирования юридическими целями, так и опасность игнорирования сложившихся тенденций в механизме правового регулирования, существенным образом затрагивающих его потенциал, эффективность и социальную обусловленность.

Сущность манипулирования и его признаки

Несмотря на то, что манипулирование в правовом регулировании, за исключением отдель-

ных научных работ¹, находится в стороне от традиционных исследовательских интересов, можно выделить ключевые признаки манипулирования, которые остаются неизменными вне зависимости от сферы, в которой применяются данные способы воздействия на общественные отношения. Так, под манипулированием традиционно понимают форму духовного воздействия, скрытого господства, управления людьми, осуществляемого ненасильственным образом²; скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения³; скрытое применение власти, идущее вразрез с предполагаемой волей другого⁴, и т.д.

Предлагаем исходить из того, что **манипулирование** — это осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение *объекта управления*, при котором он на основе имеющейся информации добровольно принимает решение, запланированное *субъектом управления*, вопреки своим истинным потребностям и интересам.

Считаем целесообразным выделять следующие ключевые *признаки* манипулирования в сфере правового регулирования.

1. Манипулирование — это разновидность *управления*, субъект-объектные отношения, складывающиеся в определенном социокультурном поле.

2. Манипулирование предполагает *скрытое* воздействие субъекта на объект, при котором истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) неизвестны. Как справедливо подчеркивает Г. Шиллер, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно»⁵.

3. Манипулирование предполагает приоритетное удовлетворение интересов манипулятора, полностью либо частично *игнорируя потребности и интересы* самого объекта управления.

4. Манипулирование — это такой вид воздействия на поведение объекта, который требует от субъекта особых, *специфических навыков*, мастерства, знаний, владения ситуацией, умения использовать различные ресурсы (правовые, политические, финансовые, информационные и др.) для реализации своих целей⁶.

В отмеченной связи очень важным является то, что манипулирование предполагает использование лишь *социально обусловленных, востребованных средств воздействия на поведение субъекта общественных отношений* и не должно вызвать противодействия с его стороны.

Понятие технологий манипулирования целями в правовом регулировании

Говоря о технологиях манипулирования целями в правовом регулировании, считаем обоснованным исходить из понимания правового регулирования как упорядочивающего, координирующего воздействия на общественные отношения, осуществляемого всей совокупностью юридических средств, направленных на максимально полное удовлетворение интересов субъектов права.

Посредством правового регулирования достигаются *юридические цели*, представляющие собой созданные или санкционированные (одобренные) государством модели определенного социального состояния, процесса или явления, к реализации которых при помощи

¹ См.: Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43; Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163–180; Subochev V. V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. 2019. Т. 12. № 4. С. 266–275.

² См.: Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. М., 1971. С. 64.

³ Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4022555>, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> (дата обращения: 01.06.2022); Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 34.

⁴ Goodin R. E. Manipulatory Politics. New York, 1982. P. 14; Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self // Cogito. 2021. 13 (4). P. 103–123. URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697> (дата обращения: 01.06.2022).

⁵ Шиллер Г. Указ. соч. С. 35.

юридических средств стремятся участники правоотношений.

Исходя из сказанного, под **технологиями манипулирования целями в правовом регулировании** мы будем понимать совокупность приемов и способов постановки и использования юридических целей, посредством достижения которых объект управления (манипулируемый) добровольно осуществляет действия, направленные на удовлетворение интересов субъекта управления (манипулятора), вопреки своим истинным потребностям и интересам, полагая, что данная форма поведения является оптимальной или единственно возможной в сложившейся ситуации.

Технологии манипулирования юридическими целями представляют собой *приемы и способы*, посредством которых субъект манипулятивного воздействия:

- а) *формулирует* юридические цели и формально закрепляет, *объективизирует* последние, доводя их до сведения участников правоотношений, в соответствующем поведении которых он заинтересован;
- б) *использует* уже существующие юридические цели в своих интересах, координируя соответствующим образом поведение контрагентов. В данном случае можно говорить о том, что манипулирование юридической целью заключается отчасти и в том, что она используется в качестве юридического средства, направленного на удовлетворение интереса субъекта управления;
- в) *мотивирует, стимулирует* объект управления к достижению поставленной цели, к использованию соответствующих юридических средств;
- г) *ограничивает* активность объекта управления, идущую вразрез с планами субъекта манипулирования.

Технологии манипулирования юридическими целями могут использоваться как в процессе

правотворчества и реализации права, так и в правоинтерпретационной и иной формально правомерной деятельности субъекта манипулирования.

В этой связи полагаем, что манипулирование юридическими целями (равно как и средствами) тесно связано как с *юридической техникой*, под которой традиционно понимается совокупность правил и инструментов ведения юридической работы и составления юридических документов⁷, так и с *юридической технологией*. При этом следует оговориться, что современная правовая доктрина не демонстрирует четкой дифференциации между юридической техникой и юридической технологией, несмотря на то что серьезные попытки разграничить указанные категории предпринимались неоднократно⁸.

Так, Н. А. Власенко подчеркивает, что юридическая технология — это порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения⁹, специально оговаривая, что если «юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов, каких средств должны осуществляться те или иные технологические действия»¹⁰.

М. Л. Давыдова под юридической техникой понимает систему средств, используемых как при составлении правовых актов, так и при осуществлении иной юридической деятельности¹¹. Вместе с тем анализ данного подхода позволяет сделать вывод о том, что любая система средств, *используемая* в осуществлении юридической деятельности, также должна предполагать (и уже предполагает) ответ на вопрос о том, *как делать*, как данные средства применять (и каким образом они уже применяются) на практике, что непосредственно затрагивает сферу юридической технологии.

⁶ См.: Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. СПб., 2022. С. 8–9.

⁷ См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. М., 2011. С. 87–89.

⁸ См.: Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–23 ; Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009 ; Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2009 ; Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева [и др.]. М., 2021 ; Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, В. Б. Исаков [и др.]. М., 2018 и др.

⁹ Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. С. 25.

¹⁰ Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. С. 26.

¹¹ См.: Давыдова М. Л. Указ. соч. С. 50.

Отмеченная дилемма порождает научные дискуссии относительно того, является ли юридическая технология элементом юридической техники¹² (ведь юридическое средство вне его использования не имеет смысла, теряет свою природу как средства) или же, наоборот, юридическая технология включает в себя не только юридическую технику, но и юридическую тактику и стратегию¹³.

В любом случае юридическая техника предполагает определенные средства и приемы своего *осуществления*, правила ведения конкретной юридической *деятельности*, что позволяет говорить не просто о тесной связи юридической техники и технологии¹⁴, но о диалектическом их сосуществовании в правовой жизни общества.

Подчеркнем, что технологии манипулирования юридическими целями (равно как и юридическими средствами) являются *неотъемлемым элементом как юридической техники* в целом, так и любой из ее разновидностей (правотворческой, правореализационной, правоинтерпретационной и т.д.).

Манипулирование юридическими целями и средствами — деятельность *правомерная*, непосредственно влияющая на все этапы (стадии) процесса правового регулирования и их эффективность, в связи с чем игнорирование данной активности в процессе исследования юридической техники (равно как и технологии) считаем неоправданным, снижающим прикладную ценность подобного анализа.

При анализе технологий манипулирования юридическими целями в процессе правового регулирования предлагается исходить из того, что данную правомерную активность участников правоотношений необходимо *отличать от злоупотребления правом*, тем более от его противоправных форм, прямо предусмотренных действующим законодательством (ст. 10 ГК РФ). В отмеченной связи мы солидаризируемся с позицией А. А. Малиновского, согласно которой злоупотребление правом может являться как правомерным, так и противоправным поведением. Классификационным

основанием для данного деления предлагается юридический критерий причиненного вреда. Если причинение вреда участникам общественных отношений противозаконно, то это — противоправное злоупотребление правом, в иных случаях — правомерное, что позволяет говорить о том, что само злоупотребление правом не является разновидностью исключительно противоправного либо только правомерного поведения¹⁵.

Таким образом, если манипулирование юридическими целями и средствами представляет собой *правомерную* форму поведения субъекта, то злоупотребление правом может заключаться как в *правомерной*, так и в *противоправной* активности управомоченного лица. Помимо сказанного, если злоупотребление правом преследует основную цель в виде *причинения вреда другому лицу*, то манипулирование юридическими целями осуществляется ради реализации *собственных правомерных интересов* субъекта манипулятивного воздействия посредством соответствующего поведения *его контрагентов*. Причинение вреда при манипулировании юридическими целями не является изначальной целью субъекта манипулирования, а представляет собой лишь «*побочный продукт*», косвенные, но неизбежные последствия манипулирования.

Безусловно, *манипуляции бывают и противоправными*. Яркий пример тому можно найти в ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком», в которой манипулирование рынком определяется как «умышленное распространение через средства массовой информации... *заведомо ложных* (здесь и далее выделено мной. — М. К.) сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, *запрещенные законодательством*... если в результате таких *незаконных действий* цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который

¹² См., например: Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 268.

¹³ См.: Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 19.

¹⁴ См.: Исаева Л. А., Ибрагимова Э. А. Соотношение юридической техники и юридической технологии // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5. С. 59–60.

¹⁵ См.: Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

сформировался бы без учета указанных выше *незаконных действий*, и такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству...». Однако подобное манипулирование представляет собой целый ряд *незаконных действий субъекта*, прямо запрещенных под угрозой наказания и *не являющихся* манипулированием ни юридическими целями, ни юридическими средствами.

Сказанное позволяет прийти к *выводу*, что манипулирование как *вид управленческой деятельности* может быть как законной, так и противоправной активностью, представляя собой конкретное правонарушение, *однако* манипулирование исключительно с использованием юридического инструментария, и юридических целей в частности, является во всех случаях *правомерной* формой поведения субъекта правоотношения.

Таким образом, манипулирование юридическими целями является одним из способов, приемов, используемых в процессе правового регулирования (при этом предмет правового регулирования рассматривается уже, нежели предмет правового воздействия, под которым традиционно понимают комплексный процесс влияния права на жизнь социума в целом).

Исследование технологий манипулирования целями в процессе правового регулирования полагаем целесообразным осуществлять исходя из обозначенных ранее двух возможных *форм* подобного манипулирования: а) установления заведомо манипулятивных юридических целей; б) использования социально обусловленных, отражающих потребности и интересы участников правоотношения целей в интересах субъекта управления (манипулятора).

Манипулирование юридическими целями посредством использования сложившихся социальных реалий

Первая группа приемов и способов манипулирования юридическими целями связана с *использованием факторов и обстоятельств*

сложившейся социальной реальности в интересах субъекта управления (манипулятора). Речь идет о том, что существующие или складывающиеся определенным образом обстоятельства *произвольно* трактуются, интерпретируются субъектом манипулятивного воздействия, что позволяет ему данное *заведомо* искаженное или субъективное их видение положить в основу процесса целеполагания в правовом регулировании.

Этот способ уместен, логично объясним, весьма распространен и, в принципе, вполне естественен для любого субъекта управления. Каждый имеет право на свое собственное видение и интерпретацию любых событий или процессов действительности, что и объясняет атрибутивность первой группы способов манипулирования субъект-объектному управленческому процессу.

Интересующий нас аспект заключается в том, что оценка происходящих событий, *интерпретация* складывающихся политических, экономических, социокультурных и иных факторов и обстоятельств зачастую ложится в основу постановки манипулятивных целей, которые якобы обусловлены сложившейся ситуацией, но на самом деле служат удовлетворению интересов субъекта манипулятивного воздействия в ущерб интересам его объектов.

Наиболее ярким примером сказанному может служить манипулирование юридическими целями в многочисленных нормативных документах коллективного Запада, предусматривающих введение очередных пакетов санкций против России¹⁶.

Сущность данной технологии манипулирования юридическими целями заключается в том, что формирование из России образа врага, агрессора, угрожающего жизненно важным интересам «истинных демократий» и «культурному наследию цивилизованных стран», позволяет оправдывать введение тех санкций и реализацию как политических, так и социально-экономических мер, которые на самом деле не только не соответствуют истинным интересам населения этих государств, но и наносят им не-

¹⁶ См., например: Commission Implementing Regulation (EU) 2022/595 of 11 April 2022 // Official Journal of the European Union. 12.04.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0595> (дата обращения: 20.05.2022) ; Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. 08.04.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022R0576> (дата обращения: 20.05.2022) ; Ukraine/Russia-Related sanctions program. Department of the treasury of the USA // URL: <https://home.treasury>.

поправимый вред. Корыстные интересы узкой группы влиятельных западных политиков, заинтересованных в ослаблении России, привели к необходимости проведения Россией специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., которая, в свою очередь, выступила тем фоном, который и стал активно использоваться для разжигания антироссийской истерии и оправдывать любые юридические цели, направленные на «сдерживание российской агрессии» или, другими словами, на дискредитацию России и препятствование ее развитию.

Анализ очередных пакетов антироссийских санкций позволяет с уверенностью заключить, что их целью выступает именно сдерживание развития России, ведь военную операцию, проводимую на Украине, они остановить не могут и по своей сути на это не направлены, так как принимаются параллельно с отправкой очередных партий вооружения украинским националистам. Налицо манипулирование юридическими целями, заключающееся в следующем: а) провозглашается одна цель (прекращение военной операции на Украине и якобы защита ее мирного населения), а на самом деле преследуется иная (ослабление России, сдерживание ее экономического и иного потенциала, обеспечение доминирования коллективного Запада в международных отношениях); б) проведение вынужденной и навязанной России специальной военной операции на Украине используется как *предлог* для усиления агрессивной антироссийской экономической, социально-культурной и информационной политики.

Манипулирование юридическими целями как формирование программы действий

Отмеченная выше стратегия тесно связана и предполагает *вторую группу* приемов и способов манипулирования юридическими целями, заключающуюся в заведомо искаженном

формулировании актуальной для субъекта управления повестки. Суть данной технологии манипулирования заключается в искусственном создании актуальных для участников правоотношения угроз, которые оправдывают цели субъекта манипулятивного воздействия, в формулировании его «особой миссии» и иных действиях, направленных на создание той реальности, в которую будет верить объект манипуляций и которая легитимизирует поставленные цели, делает их не только объяснимыми, но и желанными.

Современные информационные технологии создают все возможности для эффективной реализации сказанного. К примеру, Стратегия кибербезопасности США прямо закрепляет такие цели, как «расширение американского влияния в мире», «борьба со стратегическими противниками», «сдерживание агрессии недружественных стран», «сохранение мира посредством силы», «сохранение американского образа жизни»¹⁷, намеренно гипертрофируя те угрозы национальной безопасности и интересам государства, которые оправдывают и объясняют нормативное закрепление обозначенных выше и многих других целей. Более того, нагнетание ситуации и интерпретация событий через призму непосредственной угрозы национальным интересам привели к редактированию отдельных положений отмеченной Стратегии и ужесточению мер, направленных на достижение приобретающих все большую актуальность целей¹⁸.

В данной связи О. А. Мельникова справедливо подчеркивает, что в Интернете в настоящее время преобладает контент, который соответствует интересам лишь одной страны, «наиболее доступной во многих случаях оказывается информация, соответствующая политическим интересам США»¹⁹.

Нагнетание ситуации, создание социальных мифов, конструирование заведомо искаженной реальности — это те инструменты, которые по-

gov/system/files/126/ukraine_overview_of_sanctions.pdf (дата обращения: 20.05.2022) ; Fact sheet: United States, G7 and EU Impose Severe and Immediate Costs on Russia. April 06, 2022 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/06/fact-sheet-united-states-g7-and-eu-impose-severe-and-immediate-costs-on-russia/> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁷ National Cyber Strategy of the USA. September 2018 // URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁸ Executive Order on Improving the Nation's Cybersecurity. May 12, 2021 // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/05/12/executive-order-on-improving-the-nations-cybersecurity/> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁹ Мельникова О. А. Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность. М., 2021. С. 103.

зволяют манипулировать юридическими целями при проведении миротворческих операций, создании международных организаций, введении «общепризнанных» глобальных стандартов и осуществлении иных действий, которые зачастую достигают таких масштабов, что позволяют говорить о конструировании «марионеточных государств» и внедрении в повседневный оборот таких терминов, как *state-making devices* или *state-making activities* (инструменты по созданию государств)²⁰.

Вместе с тем отметим, что подобная технология используется не только на международном уровне: в процессе правотворчества, реализации и толкования права на различных уровнях публичной власти, на локальном уровне также не только учитывается, но и *конструируется* та реальность, те псевдособытия, которые позволяют не только формулировать соответствующие юридические цели, но и эффективно мотивировать объект управления к их достижению.

Манипулирование юридическими целями посредством информационной поддержки

Изложенное выше объясняет широкое распространение *третьей группы* способов и приемов манипулирования юридическими целями, заключающихся в создании соответствующего информационного фона вокруг предпринимаемой правовой активности.

Так, определенные способы подачи информации способствуют тому, чтобы адресат воспринял содержание сообщения так, как это нужно манипулятору. К примеру, обилие несистематизированной информации затрудняет для адресата поиск истинного смысла

правовых предписаний; подача информации небольшими частями не позволяет эффективно ее использовать; особое сочетание тем помогает форсировать нужные, заранее запланированные выводы; момент подачи информации повышает вероятность ее соответствия тому эмоционально-психологическому настрою, который присущ в конкретный период времени участникам правоотношения и т.д.²¹

На опасность указанной технологии верно указал В. В. Субочев, подчеркнув, что «стремление создать благоприятный имидж власти, желание не столько решить проблему, сколько использовать запросы населения для реализации уже заготовленных сценариев развития приводит к тому, что границы правильного и ошибочного, правды и лжи постепенно стираются»²². В итоге общество сталкивается с новой реальностью — постправдой, которая определяется как обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям²³. Следует солидаризироваться с позицией, что сказанное обуславливает возникновение новой формы реализации публичного управления — политики постправды (*post-truth politics*)²⁴, субъекты осуществления которой «не только активно оперируют “псевдоправдой”, но и на основе искажения реальных фактов осуществляют политико-правовое манипулирование невиданных ранее масштабов»²⁵.

Необходимо подчеркнуть, что в информационном сопровождении юридических целей весьма значительную роль играют правоинтерпретационные акты, которые в зависимости от используемых способов толкования также могут достаточно сильно исказить истинное содержание правовых норм.

²⁰ См.: *Subochev V. V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World. С. 266–275.*

²¹ Подробнее см.: *Шейнов В. Указ. соч. С. 17–20.*

²² *Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды. С. 35.*

²³ Oxford Dictionary. Word of the Year. 2016. 16th November // URL: <http://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 20.05.2022).

²⁴ См.: *McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs // PS: Political Science and Politics. 2019. № 52 (2). P. 218–222 ; Rose D. C. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation // Conservation and Society. 2018. № 16 (4). P. 518–524 ; Angermuller J. Truth after post-truth: for a Strong Programme in Discourse Studies // Palgrave Communications. 2018. № 4 (1). Article 30. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1&partnerID=40&md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> (дата обращения: 23.05.2022).*

²⁵ *Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды. С. 35.*

Манипулирование юридическими целями *ad hoc*

Сказанное выше позволяет выделить *четвертую группу* способов и приемов манипулирования юридическими целями, связанную с ситуативным, субъективным правотворчеством, правоприменением и правоинтерпретацией (т.н. правотворчеством, правоприменением и правоинтерпретацией *ad hoc*), которые являются своего рода общим знаменателем для всех вышеуказанных технологий.

Ключевые юридические цели, выступающие в качестве ориентиров для большинства участников правоотношений, формулируются участниками правотворческого процесса, которые могут преследовать субъективные интересы, являющиеся итогом как неверного понимания происходящих в обществе процессов, так и желания достичь таких целей, афиширование которых представляется невыгодным, опасным или преждевременным. Манипулятивные юридические цели в правотворчестве могут быть и следствием лоббирования определенных интересов²⁶, в таком случае есть основания говорить о том, что лоббизм является, с одной стороны, способом манипулирования юридическими целями, а с другой — причиной такого манипулирования.

Манипулирование юридическими целями в процессе правоприменения также может осуществляться самыми разнообразными способами. К примеру, приказ о возложении дополнительных обязанностей на работника с целью оптимизации производственного процесса может маскировать такую цель, как вынуждение данного сотрудника уволиться; указание о дополнительных этапах согласования условий договора с целью проверки адекватности всех его условий может выступать предлогом затягивания переговорного

процесса и избежания подписания договора и т.д.

Различные виды и способы толкования права зачастую применяются субъектом манипулирования для придания не только значимости и обоснованности уже существующим и формально закрепленным юридическим целям, но и для произвольного их использования в практической деятельности. Так, посредством толкования Конституции РФ можно выявить как подлинные, так и мнимые конституционные ценности²⁷; как разъяснить истинные цели, которые преследует Основной Закон, регламентируя ключевые общественные отношения, так и их исказить. По-разному толкуя правовые нормы и, соответственно, интерпретируя юридические цели и намерения субъектов правотворчества²⁸ (равно как и правоприменения), можно весьма существенно координировать реализацию права, воздействуя самым непосредственным образом на целевые установки участников правоотношений.

Манипулирование юридическими целями и новояз

Пятая группа приемов и способов манипулятивного использования субъектом управления юридических целей вопреки истинным потребностям объекта управления заключается в терминологическом манипулировании или в формулировании юридических целей при помощи речевых или фразеологических конструкций, некорректно отражающих действительность.

Данная технология манипулирования имеет много общего с речевой манипуляцией в целом, которая, по справедливому мнению различных специалистов, проникла как в правотворческий, так и в правоприменительный и правоинтерпре-

²⁶ Бекмурадов К. А. Лоббизм как основной фактор воздействия на процесс развития парламентских согласительных процедур // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 75–85 ; Субочев В. В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 28–36.

²⁷ Денисов С. А. Мнимые конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 9–15 ; Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание проблемы реализации : материалы Международной научно-практической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. М. : Рос-сийская академия правосудия, 2010. Т. 1. С. 12.

²⁸ См.: Недилько Ю. В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 23–28.

тационный процессы²⁹. Как верно подчеркивает Д. А. Корецкий, современная правовая действительность изобилует терминологическими новеллами — эвфемизмами, которые смягчают смысл явления, традиционно обозначаемого этими терминами. К примеру, «взрыв газа стал называться “хлопком”, катастрофа вертолета или самолета — “жесткой посадкой”, наводнение — “подтоплением”, пожар — “задымлением”, падение показателей — “отрицательным ростом”³⁰. По этой же логике кризисные явления в экономике стали обозначаться термином «вызов»³¹, хаотичные процессы на рынке — «временной нестабильностью», «флуктуацией», «волатильностью», стагнация — «временным замедлением роста» и т.д.

В отмеченной связи представляется верной точка зрения, согласно которой «речевое манипулирование связано как со скрытыми от адресата целями, так и с особой речевой организацией текста (техникой построения речи, в том числе с риторическими приемами), восприятие которого приводит к добровольному принятию адресатом решения, выгодного манипулятору»³².

При постановке манипулятивных целей зачастую используются такие фразеологические конструкции, как «в интересах населения», «ради общего блага», «в целях защиты прав, свобод и законных интересов участников правоотношений», «в целях недопущения злоупотреблений», «в целях противодействия незаконным действиям» и т.д. Данные конструкции, вполне объективно отражая истинный посыл различных нормативных правовых актов, начиная от Конституции РФ и заканчивая многочисленными актами корпоративного правотворчества, тем не менее используются и для придания манипулятивным целям легитимности и определенной статусности.

Манипулирование юридическими целями как конструирование результата

К шестой группе приемов и способов манипулирования юридическими целями предлагается относить искажение результата правового регулирования посредством апеллирования к источникам мотивации адресата. Речь идет о таких технологиях манипулирования в процессе правового регулирования, посредством которых объект воздействия мотивируется к достижению результата, который в большей степени нужен субъекту управления для достижения иных целей, нежели тех, которые устанавливаются и объясняются манипулируемым.

Одним из примеров подобного манипулирования может служить такая юридическая цель, установленная постановлением Правительства РФ от 10.08.2020 № 1200 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу “Национальная система платежных карт” на стимулирование доступных внутренних туристских поездок через возмещение части стоимости оплаченной туристской услуги», как стимулирование внутреннего туризма посредством возмещения части стоимости оплаченной туристской услуги, соответствующей определенным критериям³³.

С одной стороны, стимулирование внутреннего туризма является *важнейшей целью*, способствующей сбалансированному развитию российской экономики, обеспечению граждан России современной туристической инфраструктурой, доступными поездками по стране³⁴ и т.д.

С другой стороны, предоставляемый при выполнении определенных условий гражда-

²⁹ См.: Корецкий Д. А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4. С. 123–131; Страданченков А. С. Законодательство и манипуляция // Наука и современность. 2010. № 1–3. С. 46–50.

³⁰ Корецкий Д. А. Указ. соч. С. 127.

³¹ «Меня это слово даже резануло». Глава Минфина отказался называть ситуацию в России кризисом // Открытые медиа. URL: <https://openmedia.io/news/n1/menya-eto-slovo-dazhe-rezanulo-glava-minfina-otkazalsya-nazyvatsituaciyu-v-Rossii-krizisom/> (дата обращения: 20.05.2022).

³² Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М., 2012. С. 28.

³³ СЗ РФ. 2020. № 33. Ст. 5399.

³⁴ См.: Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» // URL: <https://tourism.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

нам «туристический кешбэк» призван: а) стимулировать поездки в те регионы, где туристическая инфраструктура пока еще *не сложилась* на уровне, достаточном для привлечения туристов без дополнительного стимулирования их интереса к данным местам; б) снизить уровень недовольства сложившейся ситуацией в стране, когда поездки за рубеж стали для многих невозможны в силу как политических, так и экономических факторов; в) ограничить поездки в отдельные государства и тем самым снизить поток финансовых средств в экономику недружественных стран.

Сказанное позволяет заключить, что, следуя в целом абсолютно правильную и крайне *актуальную* для России цель в виде стимулирования внутреннего туризма, органы государственной власти используют ее и для решения ряда других (также весьма актуальных) задач, многие из которых, однако, не афишируются, вуалируются ради поддержания интереса к заявленному продукту. Факты, свидетельствующие о том, что стоимость туров, по которым можно вернуть часть уплаченной стоимости, является зачастую весьма завышенной³⁵ и что за аналогичные деньги граждане России могут в некоторых случаях получить более качественный туристический продукт за рубежом и тем самым продемонстрировать более рациональное потребительское поведение, не афишируются, намеренно умалчиваются, нивелируются обращением к возвышенным чувствам граждан и их патриотизму. Полагаем, что данный пример можно отнести к манипулированию юридическими целями посредством частичной демонстрации того результата, к достижению которого стимулируется объект управления, а также посредством апеллирования к благородным мотивам.

Заключение

Проанализированные выше технологии манипулирования во многих случаях служат *неизбежным средством* эффективного государственного управления, *социально обусловленной* практикой правового регулирования, той *правовой реальностью*, которая является закономерным следствием сложившихся определенным образом факторов и обстоятельств.

Изложенное выше также позволяет прийти к выводу, что технологии манипулирования юридическими целями в правовом регулировании самым тесным образом связаны с управленческими законами, применяемыми в процессе разработки и принятия управленческих решений. Данные технологии воплощаются в действительность посредством правомерной деятельности в правотворческой, право-реализационной, правоинтерпретационной и других сферах и связаны с формированием той модели социального состояния, процесса или явления, к воплощению в действительность которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений.

Технологии манипулирования юридическими целями опираются на *правомерные стремления* всех участников правоотношений, приводя тем не менее к реализации интересов субъекта манипулятивного воздействия за счет и в ущерб определенным интересам объекта манипуляций.

Все исследованные выше технологии манипулирования юридическими целями являются *социально обусловленными* способами воздействия на участников правоотношений, которые вместе с тем снижают эффективность механизма правового регулирования за счет создания дисбаланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. Т. 2. — М., 1982. — 478 с.
2. Бекмурадов К. А. Лоббизм как основной фактор воздействия на процесс развития парламентских согласительных процедур // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8. — С. 75–85.
3. Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. — М., 1971. — 294 с.

³⁵ Названы основные недостатки программы туристического кешбэка // URL: <https://riamo.ru/article/455578/nazvany-osnovnye-nedostatki-programmy-turisticheskogo-keshbeka-xl> (дата обращения: 25.05.2022).

4. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание проблемы реализации : материалы Международной научно-практической конференции (4–6 декабря 2008 г.) : в 2 т. Т. 1. — М. : Российская академия правосудия, 2010. — С. 9–20.
5. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. — Волгоград, 2009. — 318 с.
6. Денисов С. А. Мнимые конституционные ценности // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 10. — С. 9–15.
7. Исаева Л. А., Ибрагимов Э. А. Соотношение юридической техники и юридической технологии // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 5. — С. 59–65.
8. Карташов В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
9. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 16–23.
10. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. — М., 2011. — 496 с.
11. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. — М., 2012. — 170 с.
12. Корецкий Д. А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. — 2020. — № 4. — С. 123–131.
13. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 52 с.
14. Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. — 2021. — Т. 11. — № 1. — С. 163–180.
15. Мельникова О. А. Манипуляция общественным мнением и глобальная кибербезопасность. — М., 2021. — 208 с.
16. Недилько Ю. В. Телеологический и смысловой аспекты толкования намерений законодателя // Юридическая наука. — 2016. — № 1. — С. 23–28.
17. Страданченков А. С. Законодательство и манипуляция // Наука и современность. — 2010. — № 1–3. — С. 46–50.
18. Субочев В. В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. — 2014. — № 2 (31). — С. 28–36.
19. Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху пост-правды // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 34. — С. 29–43.
20. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. — СПб., 2022. — 384 с.
21. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. — М., 1980.
22. Юридическая техника : учеб. пособие / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. — М., 2009. — 271 с.
23. Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, В. Б. Исаков [и др.]. — М., 2018. — 493 с.
24. Юридическая техника : учебник / В. М. Баранов, М. В. Баранова, Т. В. Губаева [и др.]. — М., 2021. — 648 с.
25. Angermuller J. Truth after post-truth: for a Strong Programme in Discourse Studies // Palgrave Communications. — 2018. — № 4 (1). — Article 30. — URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1&partnerID=40&md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> (дата обращения: 23.05.2022).
26. Goodin R. E. Manipulatory Politics. — New York, 1982. — 230 p.
27. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022) // URL: <https://ssrn.com/abstract=4022555>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> (дата обращения: 01.06.2022).
28. McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs // PS: Political Science and Politics. — 2019. — № 52 (2). — P. 218–222.
29. Rose D. C. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation // Conservation and Society. — 2018. — № 16 (4). — P. 518–524.
30. Sirazetdinova M., Stoletov A., Lukmanova R. Manipulation, Individuation, and the Self // Cogito. — 2021. — 13 (4). — P. 103–123. — URL: <https://ssrn.com/abstract=4008697> (дата обращения: 01.06.2022).
31. Subochev V. V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World // MGIMO Review of International Relations. — 2019. — Т. 12. — № 4. — P. 266–275.

Материал поступил в редакцию 18 июня 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava: kurs v 2 t. [General theory of law: A course in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow; 1982. (In Russ.).
2. Bekmuradov KA. Lobbizm kak osnovnoy faktor vozdeystviya na protsess razvitiya parlamentskikh soglasitelnykh protsedur [Lobbying as the main factor of influencing the process of development of parliamentary conciliation procedures]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;8:75-85. (In Russ.).
3. Bessonov BN. Ideologiya dukhovnogo podavleniya Ideology of spiritual suppression. Moscow; 1971. (In Russ.).
4. Vitruk NV. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii kak tsennost i konstitutsionnye tsennosti: voprosy teorii i praktiki [The Constitution of the Russian Federation as a value and constitutional values: issues of theory and practice]. In: Konstitutsionnye tsennosti: sodержanie problemy realizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 4–6 dekabrya 2008 g.: v 2 t. [Constitutional values: The problem of implementation. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference held on December 4–6, 2008. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Russian Academy of Justice Publ.; 2010. (In Russ.).
5. Davydova ML. Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii [Legal writing: Problems of theory and methodology]. Volgograd; 2009. (In Russ.).
6. Denisov SA. Mnimye konstitutsionnye tsennosti [Imaginary constitutional values]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2018;10:9-15. (In Russ.).
7. Isaeva LA, Ibragimova EA. Sootnoshenie yuridicheskoy tekhniki i yuridicheskoy tekhnologii [The correlation between legal writing and legal technology]. *Pravo i gosudarstvo: Teoriya i praktika [Law and the State: Theory and Practice]*. 2020;5:59-65. (In Russ.).
8. Kartashov VN. Yuridicheskaya tekhnika, taktika, strategiya i tekhnologiya (k voprosu o sootnoshenii) [Legal writing, tactics, strategy and technology (correlation issue)]. In: Baranov VM, editor. Problemy yuridicheskoy tekhniki [Legal Writing Issues]. N. Novgorod; 2000. (In Russ.).
9. Kartashov VN. Yuridicheskaya tekhnologiya ili yuridicheskaya tekhnika? Nekotorye metodologicheskie aspekty issledovaniya [Legal technology or legal writing? Some methodological aspects of the research]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal writing]*. 2007;1:16-23. (In Russ.).
10. Kashanina TV. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal writing: A textbook]. Moscow; 2011. (In Russ.).
11. Kopnina GA. Rechevoe manipulirovanie [Speech manipulation]. Moscow; 2012. (In Russ.).
12. Koretskiy DA. Terminologicheskie novelly «novoy normalnosti» i ikh yuridicheskie posledstviya [Terminological novels of the «new normality» and their legal consequences]. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Ural Journal of Legal Research]*. 2020;4:123-131. (In Russ.).
13. Malinovskiy AA. Zloupotreblenie subektivnym pravom kak yuridicheskiy fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Abuse of subjective law as a legal phenomenon. Author's abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2009. (In Russ.).
14. Malko AV, Subochev VV. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psikhologicheskiy fenomen i nauchnaya kategoriya [Political and legal manipulation as a psychological phenomenon and scientific category]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*. 2021;11(1):163-180. (In Russ.).
15. Melnikova OA. Manipulyatsiya obshchestvennym mneniem i globalnaya kiberbezopasnost [Manipulation of public opinion and global cybersecurity]. Moscow; 2021. (In Russ.).
16. Nedilko YuV. Teleologicheskiy i smyslovoy aspekty tolkovaniya namereniy zakonodatelya [Teleological and semantic aspects of interpretation of the legislator's intentions]. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2016;1:23-28. (In Russ.).
17. Stradanchenkov AS. Zakonodatelstvo i manipulyatsiya [Legislation and manipulation]. *Nauka i sovremennost [Science and modernity]*. 2010;1-3:46-50. (In Russ.).
18. Subochev VV. Lobbizm v Rossii: priroda, spetsifika, problemy pravovogo regulirovaniya [Lobbying in Russia: Nature, specifics, problems of legal regulation]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. 21st century]*. 2014;2(31):28-36. (In Russ.).
19. Subochev VV. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak osnova upravleniya obshchestvom v epokhu postpravdy [Political and legal manipulation as a basis for the management of society in the post-truth era]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]*. 2019;34:29-43. (In Russ.).
20. Sheynov VP. Manipulirovanie i zashchita ot manipulyatsiy [Manipulation and protection from manipulation]. St. Petersburg; 2022. (In Russ.).

21. Schiller G. Manipulatory soznaniem [Mind manipulators]. Moscow; 1980. (In Russ.).
22. Khabrieva TYa, Vlasenko NA, editors. Yuridicheskaya tekhnika: ucheb. posobie [Legal writing: A coursebook]. Moscow; 2009. (In Russ.).
23. Baranov VM, Baranova MV, Isakov VB, et al. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal writing: A textbook]. Moscow; 2018. (In Russ.).
24. Baranov VM, Baranova MV, Gubaeva TV, et al. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal writing: A textbook]. Moscow; 2021. (In Russ.).
25. Angermuller J. Truth after post-truth: For a Strong Programme in Discourse Studies. Palgrave Communications. 2018;4(1). Available from: <https://www.scopus.com/inward / record.uri?eid=2-s2.0-85049841060&doi=10.1057%2fs41599-018-0080-1 &partnerId=40& md5=6ccbbe0611bbdd5a4f95ed0ea6181423> [Accessed: 05.23.2022].
26. Goodin RE. Manipulatory Politics. New York; 1982.
27. Massa L. Fake news and Media manipulation: Italian and European remedies (January 1, 2022). Available from: <https://ssrn.com/abstract=4022555>; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4022555> [Accessed: 01.06.2022].
28. McDermott R. Psychological Underpinnings of Post-truth in Political Beliefs. *PS — Political Science and Politics*. 2019;52(2):218-222.
29. Rose DC. Avoiding a Post-truth World: Embracing Post-normal Conservation. *Conservation and Society*. 2018;16(4):518-524.
30. Sirazetdinova M, Stoletov A, Lukmanova R. Manipulation, Individuality, and the Self. *Cogito*. 2021;13(4):103-123. Available from: <https://ssrn.com/abstract=4008697> [Accessed: 01.06.2022].
31. Subochev VV. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of the Globalizing World. *MGIMO Review of International Relations*. 2019;12(4):266-275.